

Михаил Делягин, директор Института проблем глобализации, д.э.н.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ КАК МИССИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КРИЗИСЕ (Тезисы)

Исчерпанность либеральной и в целом рыночной парадигмы стала очевидной, начиная с валютного кризиса неразвитых стран 1997-1999 годов. Напомню, что современная рыночная парадигма подразумевает, что человек живет ради наживы, а либеральная – что государство должно обслуживать глобальный бизнес, а не свой народ.

Для понимания, к чему ведет нас эта исчерпанность, рассмотрим лишь некоторые аспекты современного кризиса.

Его сугубо экономическое содержание – загнивание глобальных монополий. Источников внешней конкуренции на глобальном рынке нет. Технологический прогресс, который может быть другим источником конкуренции, тормозится как этими монополиями (в том числе при помощи злоупотребления правом интеллектуальной собственности), так и отсутствием значимых внеэкономических угроз (без которых открытие новых технологических принципов, в отличие от их последующей коммерциализации, нерентабельно).

Поэтому загнивание глобальных монополий будет нарастать, пока не приведет к срыву в депрессию. В условиях острой нехватки спроса единый глобальный рынок распадется на запутанную систему макрорегионов; снижение масштабов рынков приведет к утрате ряда технологий и техногенным катастрофам.

Схожая тенденция проявляется и на более высоком уровне. Те самые технологии, которые, предельно упростив коммуникации, открыли эру глобализации, привели к изменению предмета труда человечества: основным видом деятельности вот уже около четверти века является не преобразование мира, а изменение своего восприятия этого мира.

Это снижает потребность в традиционной науке, способствует ее вырождению в социально-административный ритуал и деградации образования. Соответственно, социальная значимость знания и качество специалистов снижается, что также грозит техногенными катастрофами из-за неспособности обслуживать существующую инфраструктуру.

Ситуацию усугубляет распространение и совершенствование компьютеров, являющихся олицетворением формальной логики,

уравнивает нас по доступу к ней, - и конкуренция между людьми и коллективами постепенно начинает вестись на основе не логического, но внелогического – творческого и мистического – мышления.

В силу неумения их воспитывать с той легкостью, с которой мы воспитываем способность к логическому мышлению, это сделает конкуренцию более биологической и менее социальной, чем мы привыкли считать приемлемым. Но главное, это также снизит социальную ценность знания, повысив тем самым технологические риски.

Рост мистического мышления, ужесточение глобальной конкуренции, появление глобального управляющего класса, который, не имея ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни влияющих акционеров, принципиально свободен от ответственности, будет способствовать дегуманизации общества.

Ситуация будет усугублена вызванным распространением информационных технологий кризисом управления, включающим в себя кризис традиционной демократии, которая на глазах перестает работать.

Кризис демократии и развитие глобального управляющего класса, осуществляющее внешнее управление по отношению ко всему не входящему в нее человечеству, способствует возрождению скрытых, орденских по своей природе систем управления.

Они аккумулируют знания, - однако скрытое знание в силу самой его природы неизбежно умирает, вырождаясь в ритуалы. Поэтому надвигающееся на нас и предвкусываемое частью глобального управляющего класса компьютерное Средневековье будет оставаться компьютерным весьма недолго.

Таким образом, нас ждет болезненная и глубокая архаизация, сопровождаемая значительными жертвами, - своего рода падение в новые Темные века.

Такова вполне очевидная, тривиальная тенденция.

Мы не знаем, удастся ли человечеству избежать катастрофического движения по этому пути, но должны прилагать все силы для решения этой задачи.

Она двуединая: сохранить технологии и продолжить технологический прогресс, несмотря на сужение рынков (и, соответственно, снижение степени разделения труда), и сохранить гуманизм, остановив общую дегуманизацию.

Россия имеет значительные предпосылки для решения этой задачи.

С одной стороны, в рамках советского ВПК был создан колоссальный и во многом сохранный к настоящему времени

задел сверхпроизводительных «закрывающих» технологий, отличающихся от традиционных дешевизной и простотой. Блокируемые монополиями, после их краха в условиях глобальной депрессии они способны сохранять высокую рентабельность даже на узкий рынках.

С другой стороны, наша культура принципиально гуманистична - в силу исключительного значения для нее стремления к справедливости, глубоко чуждого, в частности, западной культуре. Стремление к справедливости способствует постоянной отдаче предпочтения эффективности общества перед эффективностью отдельной фирмы, что является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма.

Российская культура носит принципиально мессианский характер: ее носители не только не живут без сверхзадачи даже в условиях высокого комфорта (это общая особенность человека как биологического вида), но и способны самостоятельно продуцировать эту сверхзадачу, пусть даже и оказавшись на грани гибели.

Это позволяет России всерьез претендовать на нахождение выхода из ловушки, в которой находится современное человечество, на пути своего рода «технологического социализма».

Задача России и ее место: технологический социализм как новое направление.